

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Наказание поркой и жесткий анал

Сегодня с самого утра Лера была на взводе. Она фыркала и огрызалась на меня без всякого повода. Причиной была просто сумасшедшая неделя на работе, а вчера, под самый конец пятницы, шеф подкинул такой сюрприз, от которого кто угодно из себя выйдет. Поэтому я старался быть с ней сейчас поласковее, лишний раз не реагируя на её агрессию.

Такое случается с ней нечасто, но в последнее время довольно регулярно. Да, жизнь в большом городе не щадит нервную систему! Чтобы дать ей как следует отдохнуть от будничной суеты, ещё в середине недели я забронировал на выходные домик на турбазе. Мы уже не раз с ней там отдохали, и я решил, что после такой бешеной гонки и бессонных ночей это будет хорошей разрядкой для нас обоих.

Ранним субботним утром мы побросали в рюкзаки самое необходимое, сели на велосипеды и отправились к переправе, так как турбаза находится на противоположном берегу Волги. Пока собирались, мне приходилось виртуозно лавировать, уклоняясь от её бесконечных наездов, проявляя буквально чудеса дипломатии.

До пристани мы ехали молча, зато там она умудрилась нахамить женщине, которая продавала билеты, за то, что она потребовала отдельно оплатить провоз наших велосипедов. Потом, уже на борту речного трамвайчика, обматерила матроса, который отдавал швартовы и чуть не свалил прислонённые к перилам наши транспортные средства. А когда у пристани на другом берегу покупали у местной бабушки помидоры и абрикосы, зачем-то нахамила и ей.

Мне оставалось только, тупо улыбаясь, успевать извиняться за её поведение перед всеми. Я живу с Лерой уже не один год, очень люблю её и знаю, что она это вовсе не со зла, и потом будет жалеть о том, что наговорила и натворила в такие минуты, и может даже расплакаться. Однако сегодня она вела себя особенно дерзко, и моя чаша терпения была, честно говоря, почти переполнена.

Несколько километров просёлочной дороги от причала до базы отдыха мы опять ехали в напряжённом молчании. А когда прибыли, пришлось подождать несколько минут на рецепции, пока нам принесут ключ от домика. Так и там Лера была готова вцепиться в кудри не слишком расторопной сотруднице, всё время болтавшей параллельно с работой с кем-то по телефону.

Войдя в наше временной пристанище и закрыв дверь, я, наконец, выдохнул. Помог жене снять рюкзак и поставил на пол рядом со своим. Спешить и стремиться теперь было особо некуда — впереди у нас было почти два полных дня, чтобы побыть вдвоём, расслабиться и отдохнуть от мирской суеты.

Однако моя любима черноволосая фурия, видимо, по инерции, избавившись от ноши за спиной, тут же стремглав устремилась куда-то вглубь гостиной на первом этаже. Сделала круг, подошла к лестнице и хотела зачем-то взбежать по ступенькам в навверх, где была только спальня.

Я встал на её пути, обхватил руками за плечи, обнял и плотно прижал к себе. Прижался губами к её темечку и глубоко вдохнул запах её волос. Она дважды попыталась вырваться из моих крепких объятий, но потом смирилась и немного обмякла. С минуту мы простояли в молчании. Одной рукой я придерживал её затылок, целуя в лобик у самой кромки волос, а другой медленно поглаживал по спине.

— Что с тобой сегодня такое, девочка моя? — спросил я шёпотом, не прекращая её целовать.

— Не знаю… — выдохнула она, уткнувшись носом мне в грудь. — Достало всё!..

— Но ты меня хотя бы не покусаеть?

— Не знаю… — повторила она, а потом с усмешкой добавила: — А ты надень на меня намордник!

— Ого!… Мысль, конечно, интересная…

— Или на цепь посади… — она подняла голову и, вздёрнув кверху брови, смотрела на меня уже подобрёвшим и немного лукавым взглядом.

— Так ты хочешь побыть сегодня моей собачкой?

Наши лбы соприкасались, и мы тёрлись кончиками носов, подсознательно имитируя то, как приветствуют друг друга некоторые животные.

— Ну нет, на цепь — это уж слишком, — резюмировал я, — а вот отшлёпать тебя как следует за то, что ты на людей бросаешься, пожалуй, надо бы…

— О! Точно! Ты выпори меня!

— Гм… Прямо выпороть?

— Ага! Как сучку! Может, подобрею…

Я всё ещё не понимал, это она так шутит, говорит всерьёз или грубо провоцирует меня на очередной скандал. На всякий случай я сохранил каменное выражение лица и продолжил развивать мысль.

— А знаешь, это ведь может помочь. Говорят, в старину так и поступали с не в меру агрессивными особами женского пола.

— И как же с ними поступали?… — Лера опустила взгляд, прикрыла глаза и стала медленно тереться носом о мой кадык.

— Всё очень просто: ставили на четвереньки или клали на кушетку лицом вниз, потом задирали подол и хлестали маленькую красивую попку до пунцовых румянцев… — я осёкся, ожидая её реакции.

— А чем их хлестали? — после небольшой паузы спросила она.

— Ооо… тут много вариантов! Иногда кожаным ремешком, плёткой или нагайкой, иногда веником, или верёвкой… А порой даже и розгами!

Я вновь остановился и пару секунд послушал участившееся дыхание Леры. Она затаилась, уткнувшись лицом мне в грудь и ждала продолжения.

— Правда, если дело доходило до розг, тут требовалась помощь слуг.

— А почему?… — раздался тихий сдавленный шёпот у меня под подбородком.

— А как же? Кто-то же должен был держать руки и ноги непослушной девчонки, пока порют ей попу. Она же брыкалась!

— А трусики с неё при этом снимали?

— Какие трусики? Ты о чём?! Не носили тогда вообще никаких трусиков!

— Значит, она лежала с голой попкой, и все смотрели, как ей её… порют?! — перед последним словом она сделала паузу и нервно сглотнула слюну.

— Ну да… А как же иначе? Чего только не сделаешь в воспитательных целях! Все наблюдали, как на её беленьких булочках проявляются яркие розовые полосы. Каждый такой удар больно обжигал нежную попку, а наказуемая кричала и плакала. Но её не отпускали. Зато потом она становилась ласковой и очень послушной. На некоторое время, до следующей порки…

Слушая мой монолог, Лера громко сопела и даже принялась от волнения грызть ногти, но не проронила больше ни слова.

— Чего притихла? Тоже так хочешь, да? — очень вкрадчиво и тихо спросил я её на ушко.

В ответ она несколько раз подряд отрывисто кивнула головой. Она никогда о подобном меня не просила, и я, признаться, был не готов к такому повороту сюжета.

Спустя несколько секунд после этого Лера встрепенулась, освободилась из моих объятий и, глядя на меня каким-то смешанным, надменно-покорным взглядом, заявила:

— Так, я сейчас в душ, а ты пока приготовься. Думаю, меня действительно следует сегодня выпороть!

— Но чем? — я аж поперхнулся. — Здесь же нет ничего подходящего! Знал бы, прихватил из дома какой-нибудь ремешок или хотя бы длинную ту нашу большую деревянную линейку;

— А вот это не моя забота. Ты же у нас мужчина, вот и придумай, чем усмирить пыл своей не в меру распоясавшейся жене! Сам же говоришь — на людей уже бросаться стала;

С этими словами Лера достала свою косметичку и какой-то большой, занимавший полрюкзака, шуршащий пакет. Потом скрылась в ванной комнате и заперлась на щеколду.

Мне же стал оставалось судорожно придумывать, что можно использовать в качестве реквизита для небольшой экзекуции. Эластичный пояс, которым были затянуты мои шорты, напоминал, скорее, резинку от трусов и явно не годился для этого. Потом я облазил все здешние шкафы и тумбочки. Заглянул даже в ящик с кухонной утварью. Всё, что мне удалось найти, это длинная пластмассовая ложка для обуви и мухобойка с гибкой резиновой плёпалкой и пластиковой ручкой.

Я произвёл санитарную обработку этого импровизированного инвентаря, плюхнулся на диван и взял в руки пульт от телевизора. Щёлкая каналы, я продолжал отчаянно шевелить мозгами, пытаюсь придумать варианты поинтереснее. Неожиданно мой взгляд устремился в окно. Там виднелись высокие заросли камышей.

Выключив зомбо-ящик, я пулей вылетел из домика и направился к протекавшему неподалёку ерику. Мои интеллектуальные терзания были вознаграждены: чуть ниже по течению, у самой воды росла раскидистая плакучая ива. Через пару минут я уже шагал обратно в наше жилище, обрывая листву с трёх сочных и очень гибких полутораметровых прутиков.

Прямо на ходу я превращал тонкие ветки этого изящного дерева в орудие для воспитания непослушных девочек. Я так увлёкся, что у меня даже член в шортах набух и стал проситься наружу, когда я представил, как буду полосовать ими голенькую попку моей любимой бунтарки.

Неожиданно один из прутьев выпал у меня из рук и повис на высокой траве, что росла вдоль тропинки. Я потянулся, чтобы поднять его, но тут же отёрнул руку: это было крапива! «И как я раньше об этом не подумал?!» — пронеслось у меня в сознании. Стянув футболку, я обмотал ею правую кисть и тут же нарвал пышный букет из этого жгучего растения.

Когда я вернулся, Лера всё ещё полоскалась в душе. Мне потребовалось совсем не много времени, чтобы подняться на второй этаж и аккуратно разложить на краю широкой двуспальной кровати всё, что мне удалось приготовить для её попы.

Здесь были три упругих ивовых прутика — не розги, конечно, но обжигают нормально, на

себе опробовал! Жгучий веник из свежей крапивы — провёл по ноге, до сих пор горит это место. А также пара ритуальных шлёпалок: резиновая мухобойка и ложка для обуви — выглядят угрожающе, но годятся разве что для разогрева девичьих булочек и создания соответствующей эмоциональной обстановки перед поркой.

Плюс ко всему этому я достал из потайного кармашка своего рюкзака пачку презервативов и маленький тюбик силиконовой смазки. Я специально купил его перед поездкой, поскольку знаю, как она любит, когда я ласкаю пальцами ей перед сексом клитор именно с этой смазкой, запах которой просто сводит её с ума.

Едва я закончил приготовления, внизу раздался звук открывающейся щеколды. Я выждал пару мгновений и направился вниз, нарочито громко топая по ступеням. Моя ненаглядная фурия стояла перед большим зеркалом и делала вид, что очень занята разглядыванием своего отражения, будто искала на лице новую морщинку или несуществующую родинку.

На голове у неё был намотан тюрбан из банного полотенца, а из одежды — только белый махровый халат, прикрывающий бёдра до середины. Ноги были босыми. Её облик показался мне чертовски возбуждающим.

Остановившись на последней ступени лестницы, я заговорил:

— Ого! Ты прихватила из дома мой любимый халатик?

— Конечно. Я же, в отличие от некоторых, умею быть организованной. А ты вот не подготовился;

— Я бы не был на твоём месте столь самоуверенным! — возразил я.

Потом подошёл сзади и спросил строгим голосом:

— Короче говоря, ты готова?

— К чему? — с невозмутимым спокойствием ответила вопросом на вопрос Лера, продолжая пялиться в зеркало и приглаживать пальчиком ресничку на правом глазу.

— Сама знаешь, пошли! — я взял её за локоть и попытался развернуть к себе лицом.

— Отвянь от меня! Не видишь — я занята! — резанула она в ответ и освободила свою руку.

— Ты почему так со старшими разговариваешь?! Совсем страх потеряла, дрянная девчонка?! Вот сейчас я почти по-настоящему на неё разозлился, и мне захотелось вовсе не понарошку, а как следует взгреть поркой её бесстыжую попу. Но у меня хватило духа направить свой гнев на то, чтобы просто получше войти в роль строгого воспитателя. На этот раз я посильнее схватил её за плечи и повернул к себе передом.

От неожиданности Лера оступилась и, чтобы не упасть, ей пришлось сделать шаг в мою сторону. Я этим воспользовался и плотно прижал её к себе всем телом. Оно источало влажный аромат свежести и шампуня, а на ощупь сквозь ткань халата было горячим и мягко-бархатистым.

Сначала она зыркнула на меня с плохо скрываемой злобой, но завидев мой наигранно-строгий взгляд, опустила глаза, чтобы не засмеяться. Я не удерживал её возле себя, но она так и стояла, прижавшись ко мне своими мягким тёплыми грудками. Наши тела разделяла лишь кипельно-белая махровая ткань.

Правой рукой я ухватил её за край подбородка и снова развернул всё ещё злющей мордашкой к себе. А левую запустил под подол халата, нахально ухватив пятернёй прямо за голую писю. Мой средний палец мгновенно провалился в заполненную горячей и скользкой смазкой ложбинку меж её безволосых половых губок и скользнул по нежнейшей розовой мякоти и возбуждённому шарiku клитора. В ответ она невольно вздрогнула, но не сказала ни

слова.

— Бесстыжая девчонка! — почти закричал я. — Ты вся течёшь! И ты опять не надела трусики?! И как у тебя только хватает наглости дерзить и грубить, стоя тут передо мной с голой промокшей щелкой?!

Лера молчала, пытаясь стыдливо опустить глаза в пол. Но я, управляя её подбородком, вновь направил её взгляд на себя. Сам же в это время принялся неспешно развязывать пояс у неё на животе. Затем и вовсе извлёк пояс из петель на халате. Его полы тут же разошлись, и моему взору открылся плоский животик Леры и её гладко выбритый лобок. Кожа на нём была немного розовой, так как моя злюка только что тщательно поскоблила её бритвой.

— Таким наглым, развратным и дерзким девчонкам, как ты, прописывают эликсир целомудрия. — продолжал я свои нравоучения. - — А ты знаешь, как его принимают?

Обмякшая в моих руках мятежница медленно покачала головой, глядя мне прямо в глаза.

— А принимают его всегда голой попочкой. Её выпячивают и подставляют для наказания и воспитания. И только воспитатель вправе решать, какого состава и в каком количестве лечебный эликсир необходим именно этой бесстыжей попке. Ты понимаешь меня?

Бунтарка послушно кивнула.

— Вот и хорошо. Тогда я повторю свой вопрос: ты готова?

— Да-а-х… — с придыханием произнесла она еле слышно.

— Вот и замечательно.

Обойдя Леру сзади, я крепко, но не слишком туго связал ей запястья за спиной поясом от халата. Она не сопротивлялась, но, чтобышний раз подчеркнуть своё доминирование, я обхватил правой рукой её спереди, скользнул под халат и уверенно смял её левый податливый холмик. Затем провёл ладонью по животу, спустился по лобку и скользнул двумя пальцами в мокрую щелку. Вымазав пальцы в её скользкой смазке, вынул, поднёс ко рту и заставил их облизать. Левая моя рука при этом нырнула под подол халата сзади, помяла голые булочки и устремилась кончиком пальца внутрь попки, проникнув в её сухую дырочку на целую флангу.

Дальше затягивать не имело смысла. Нехотя оторвавшись от интимных мест Леры, я повёл её к лестнице на второй этаж. Мои ладони лежали на её талии, а мой изрядно набухший член выпирал сквозь шорты и тёрся о её попку. Ей это ужасно нравилось, и она, медленно вышагивая в заданном мной направлении, то и дело повиливалась задом, стараясь сделать так, чтобы моё упругое достоинство проникло под махровый подол и касалось непосредственно её булочек.

По дороге вверх, где нас ждала большая кровать с приготовленным для порки попы реквизитом, я страховал её сзади, поскольку руки у неё были связаны за спиной. Но это не помешало мне быстрым движением стянуть и захватить с собой мою висевшую на перилах бандану.

Как только мы оба сошли с последней ступени, Лера замерла как вкопанная — настолько её впечатлил подготовленный мной инвентарь. А может, скорее, то, как методично он был разложен вдоль края кровати, по центру которой одна на другой лежали две большие подушки. Не дав ей рассмотреть всё в подробностях, я накрыл ей глаза своей скрученной в длинную ленту банданой и завязал её узлом на затылке.

Потом я взял свою связанную и на время лишённую возможности видеть жену за локоть, подвёл к краю постели и помог встать на атласную простыню сначала одним коленом, а затем

и вторым. Сделав коленями несколько шагов по мягкому ложу, Лера оказалась прямо у лежащих перед ней подушек.

— И что теперь? — тихо спросила она.

— Теперь ложись на них животом и смиренно подставляй мне свои оголённые булочки. Всё остальное я сделаю сам.

— А ты хоть продезинфицировал это всё? — обречённым голосом проямлила Лера.

— Не волнуйся, всё, что будет касаться твоей попки я вымыл с мылом два раза, а потом окатил кипятком из чайника. А вот ты — ты хорошо свою попку подмыла?

— Я всегда её хорошо подмываю! — в её голосе послышалась кокетливая нотка.

— Смотри у меня — я ведь проверю! А пописать ты не забыла? А то ведь сейчас как начну пороть — обдудонишься, и кому-то придётся спать на мокрой подушке! — нагнетал я всё больше жути.

— Пописала?

— Точно? Ты уверена?!

— Уверена?

Она опустила животом на возвышенность из подушек. Её подбородок и колени касались простыни, а подлежащая наказанию попа оказалась выпячена высоко вверх, но была всё ещё прикрыта подолом халата.

Я неспешно обошёл кровать с одной стороны, задёрнул на всякий случай на единственном в комнате окне плотные шторы, потом переместился на другую, где был разложен инвентарь для порки. Первым орудием в моём сценарии экзекуции была длинная и гладкая пластиковая ложка для обуви.

Взяв в руки, я поднёс её конец к Лериной попе и коснулся сквозь ткань халата. Потом пару раз едва замахнувшись, хлопнул по скрытым под тканью нежным ягодичкам. Скользя гладкой выпуклой поверхностью вниз, до кромки подола, подцепил его и стал медленно приподнимать.

Пара аппетитных и совершенно голеньких девичьих булочек вскоре предстала перед моим взором. Рукой я расправил собравшийся у Леры на спине подол халата и положил поверх него её связанные запястья. Потом не устоял и потрогал её великолепную задницу. Шарики полупопий оказались чуть прохладными, так как с них испарялась вода, оставшаяся после недавно принятого душа.

Теперь я коснулся уже голой попки гладкой выпуклой поверхностью ложки, дважды скользнул по ней вверх-вниз, а затем дважды легонько шлёпнул. А вот третий шлепок оказался куда более звонким и сильным. Попа цокнула под ним и затряслась, как желе, но тут же успокоилась.

Чередую поглаживания и относительно сильные шлепки, я распределял места, от которых отскакивала полированная пластиковая поверхность так, чтобы они равномерно покрывали всю площадь выставленного для наказания оголённого девичьего зада. Попочка в ответ звонко цокала, по нежной плоти её белых половинок расходились и тут же угасали мелкие волны.

Лера молчала и сопела в простыню, не смея издать и звука. Впрочем, я точно знал, что такие шлепки едва ли причиняют ей сейчас ощутимый дискомфорт, так как кожа на попе после нанесённых ударов даже почти не порозовела. Скорее, они только разогревают её нежные булочки, которым сегодня ещё предстоит вкусить немало «целебной микстуры».

Следующей в ход пошла мухобойка. Её увесистая шлёпалка из чёрной плотной резины имела с обеих сторон вафельный рисунок. Как я и ожидал, по этой причине более или менее ощутимые шлепки оставляли на белой попке едва различимые отпечатки в вид крупных клеток.

Не слишком усердствуя, я стал покрывать бесстыжий задик моей негодницы равномерным слоем звонких шлепков. И если под пластиковой ложкой её попа издавала звуки вроде «цок», то теперь она отзывалась на удары чем-то наподобие «бах». Меня невероятно заводил звук её звенящей под поркой попочки. Судя по смиренной и совершенно тихой реакции Леры, ей тоже нравился этот умиротворяющий её дерзкий нрав процесс. Тогда я решил, что эта резинка может сделать с её задницей больше.

— Так!… А ты чего это тут разлеглась как на курорте?! А ну-ка, встала раком и выпятила мне свою сраку! — скомандовал я тоном, не терпящим возражений.

Лера со связанными на спине руками не без труда выполнила мой приказ, покорно оторвав живот от подушек и выпятив назад свою кругленькую голую жопку. Теперь я мог хлестать её не сверху, а сзади, не опасаясь, что массивная чёрная резинка оставит отпечаток на спине или бёдрах, ведь наказанию подлежала только бесстыжая попа.

Воспользовавшись ситуацией, я принялся пороть по булочкам свою мегерку, постепенно вкладывая в каждый шлепок всё больше силы. Припечатываясь ко всё более розовеющей заднице, резиновый прямоугольник со звонким «бахом» отлетал от попы, оставив в месте своего горячего «поцелуя» клетчатый след.

Иногда при особо жгучем шлепке, Лера тихонько взвизгивала и вновь падала животом на подушку под ней. Но, опасаясь моего гнева, снова становилась на четвереньки, покорно подставляя свою многострадальную попку под всё более обжигающие шлепки. И только когда отпечатки в виде бледно-розовых клеток равномерно покрыли обе булочки, я сделал небольшой перерыв, чтобы дать ей отдышаться и подготовиться к более горячему продолжению.

Ухватив теперь мухобойку за резиновый конец, я стал медленно водить её рифлёной рукоятью по внутренней стороне чуть расставленных девичьих бёдер. Массивная ручка из белой пластмассы с мелкими насечками по бокам щекотала нежную кожу от упирающихся в простыню коленей по самой писи.

Меж мясистых половых губ обильно выступила прозрачная, как слеза, смазка. От неё уже блестели и сами белоснежные складочки девичьей щели, и верхняя часть внутренней стороны почти соприкасающихся между собой ляжек. Я нарочно несколько раз плотно прижал к её плотно сомкнутым губкам рукоять своего орудия для порки, чтобы смазка окутала и её. Теперь я размазывал густую скользкую влагу, упиваясь тем, как тянутся вслед за ней струящиеся из голой возбуждённой письки тонкие паутинки липкого девичьего секрета.

— Всё, а теперь ложись! И ноги пошире расставь, не строй тут из себя целку! — нарочито громко и грубо потребовал я и постучал мокрой от смазки рукоятью ей меж бёдер, приказывая раздвинуть их пошире.

Лера послушно опустила живот на подушки и даже подалась немного вперёд, оттолкнувшись ногами, чтобы её попка оказалась строго на вершине этой возвышенности. Я отложил мухобойку в сторону и руками расправил задранный на спину подол, чтобы он не свисал вниз и не мешал мне наказывать её попу.

Подошла очередь ошпарить булочки моей маленькой злобной фурии крапивой. Поскольку я

никогда раньше не хлестал никому попу крапивой, и чтобы было всё по-честному, я решил, что сам буду брать жгучие ветки голыми руками. Так у меня будет возможность контролировать процесс, чтобы не переусердствовать и не причинить ущерб этой, такой вредной сегодня, но так горячо любимой мной попке.

Для пробы я взял за стебель сначала совсем небольшую веточку. Ладонь тут же обожгло сотней иголок, но я от этого только сильнее вцепился в растение. Занёс остроугольные зелёные листья над оголённым задом и, едва касаясь, сделал несколько круговых движений. Лера тут же напряглась, сжала булочки и заскулила.

— Что, не нравится?! А вот тебе за то, что ты бабушке у пристани сегодня нахамила! — я размахнулся и хлестнул её попу веткой крапивы поперёк булок.

— Ааай!… — взвыла негодница, уткнувшись ртом в простыню, и снова плотно сжала попку.

— А как ты думала?..

С небольшими перерывами я угостил её голую попку довольно резкими ударами жгучей ветки. Крупные зелёные листья разлетались в разные стороны, и вскоре я уже хлестал её только тоненьким стебельком. Тогда я взял в руки всю оставшуюся крапиву. Мои ладони жгло невыносимо, но я был готов это терпеть, лишь по полной программе провести сеанс воспитательной терапии для этой бесстыжей девчонки.

— А вот тебе за того матросика, которого ты чуть за борт не скинула за то, что он велик твой уронил… — продолжал я назидать, от души охаживая оголённые половинки жгучей крапивой.

Один за другим, уже с меньшими перерывами ошпаривающие удары раздавались по комнате звуками «вшик», «вшик»… Попа румянилась прямо на глазах. Очередной удар крапивой я наносил по попе только тогда, когда моя бесстыдница переставала выть и сживать булки после предыдущего. Мягкие и прохладные с виду листья методично всаживали в нежные девичьи булочки микродозы своего горячего сока.

— Ай!… — вскричала она после следующего ошпаривающего шлепка веником из крапивы по попе.

— А ты как думала?! Зачем тебе понадобилось грубить тётеньке-билетёру? Просто потому, что она потребовала купить билеты на провоз велосипедов? Так ведь это её работа… Лера ойкала, айкала и шипела, уткнувшись в матрас, пока я воспитывал её голую попку. Мне хотелось, чтобы она надолго запомнила эту игру, и чтобы в следующий раз, прежде чем на кого-то бросаться или наезжать без причины, подумала о том, что за это может ожидать её нежные белые булочки. А они к тому времени уже буквально горели огнём и пыхали жаром. К тому моменту, как второй веник окончательно истрепался о заметно порозовевший зад Леры, она уже кричала в голос и не успевала расслаблять попу перед очередным моим горячим шлепком. А я всё хлестал и хлестал её бедную попку, а она выгибалась дугой, выла и судорожно ёрзала коленями по простыне.

Отбросив в сторону то, что осталось от веника из крапивы, я посмотрел на свои ладони. Они были даже краснее, чем попка, которую я порол. Подув на них, я наступил одним коленом на кровать, чтобы немного погладить Лере выпоротый задик. Теперь он уже вовсе не был таким прохладным, как вначале. Даже мои обожжённые крапивой ладони не были такими горячими.

— Ты как? — спросил я, склонившись над Лениным ушком.

— Нормально… А ты что, уже всё? — с ноткой досады спросила она в ответ.

Внутренне я очень обрадовался такому её вопросу. Мне было важно знать, что она в порядке, потому что чертовски хотелось продолжить этот необычный диалог с её попой. Судя по всему, она тоже ждала продолжения, и я не уверен, кто из нас был возбуждён сейчас больше этой поркой. Лере явно понравилось стоять раком или лежать, выпятив кверху свой голый зад, и впитывать им этот мой затянувшийся урок хороших манер.

— Ээээ, не-е-ет! погоди, ещё далеко не всё! Мне ещё о-о-очень много вопросов надо обсудить с твоей попочкой. Так что, как говорится, расслабься и получай удовольствие!

Я встал с кровати и взял в руки ивовый прут. Для начала выбрал самый тонкий. Несколько раз со свистом взмахнув им в воздухе, я заметил, как сжалось при этом розовое очко в выпяченной кверху попочке моей непослушной девчонки.

— Это всё были только цветочки! А вот сейчас я по-настоящему буду сечь твою задницу. — зловеще констатировал я и легонько полосонул Леру по правой ягодице.

Сначала она никак на это не отреагировала, а потом вильнула задиком, раскрыв передо мной свои булочки и продемонстрировав, как играет меж них розовое колечко ануса.

— Ой!… Нет-нет-нет… подожди, не надо!… — неожиданно взмолилась Лера.

— Это мне решать, что надо, а что не надо! — грозно ответил я и тут же снова полосонул её по попе, но уже чуть сильнее.

— Ай!!! Подожди, подожди… мне надо… а то я, и правда, описаюсь… Возражать было не в моих интересах. Тем более, что я уже давно не видел, как писает моя ненаглядная сыкушка. Я развязал ей глаза, помог встать, и мы вместе спустились по лестнице вниз. Зайдя в совмещённый санузел, я закрыл унитаз крышкой и отодвинул занавеску на душевой кабине.

— Залезай сюда и становись на колени! — скомандовал я.

Лера смутилась, но выполнила мой приказ.

— Нет! Не так! Лицом ко мне! — я потребовал, что бы она развернулась ко мне передом. Пока она разворачивалась, стоя на коленях на акриловом дне, я тоже ступил обеими ногами внутрь душевой кабины. Включив тёплую воду, я положил лейку душа вниз. Чтобы не намочить халат, его подол задрал ей до подмышек и зафиксировал её связанными позади руками.

Мы стояли вплотную друг к другу. Я на ногах, а она — на коленях. Моя правая голень оказалась меж её бёдер, а коленная чашечка упёрлась аккуратно в её тёплую письку. Я бережно, но властно обхватил руками её голову и посмотрел прямо в глаза. В них читалось смирение и желание подчиняться.

— Ну, и чего ты ждёшь? Давай, пирай!… — я потёрся коленом о её мокрую от смазки щёлку.

— Я так не могу! — испуганно возразила Лера.

— Писай! Кому говорю?! И пойдём дальше пороть твою попу!

Я снова потёрся коленом о половые губки своей непослушной жены и чуть ослабил нажим. Она опустила голову вниз, уткнувшись лбом в мой оттопыривающий тонкие шорты член и замерла. Через пару секунд горячая струйка ударила мне в ногу и стала стекать согревающими потоками вниз по голени.

Лера тихонько сопела и писала. Моё колено совершало едва заметные монотонные дробящие

движения на её письке. То и дело я ощущал, как горячая иголочка её струйки свербит кожу на моей волосатой ноге, плотно прижатой к гладко выбритой половой щели.

Было видно. Что ей сейчас стыдно, но очень приятно. Мне тоже всегда нравилось смотреть, как она писает. Но она редко доставляла мне это удовольствие. И сегодня она впервые сделала это почти без пререканий. Хотя я и не видел в этот раз, как изливается струйка из крохотной едва заметной дырочки, затерявшейся меж её пухленьких створок, зато я впервые мог осязать, как струится девичий стыд между ног из моей любимой сиповочки.

Окатив из душа её лобок и бёдра, мы выбрались из кабинки. Опустить задранный до подмышек подол халата я ей не позволил. Ей пришлось так и подниматься по лестнице с голой подрумяненной попочкой и связанными за спиной руками. Я шёл позади и почти вплотную смотрел на её розовую от порки задницу. При подъёме по высоким ступеням булочки расступались, демонстрируя мне сжатую звёздочку её нежного ануса. Ох, как же мне захотелось сейчас по самые яйца засадить в эту сладкую попочку!..

Полумрак, царивший на втором этаже из-за зашторенного окна, наполнял комнату атмосферой какой-то таинственной неизбежности. Прежде чем я снова завязал Лере глаза и уложил на ложе для порки, она успела рассмотреть помимо ивовых розг, предназначенных для её попки, лежащие на углу кровати презервативы и яркий тюбик её любимого лубрика-нта. Она ничего не сказала, но по её лицу пробежала едва заметная лукавая ухмылка. Непослушная девчонка снова заняла своё место, предоставив мне доступ к своему изрядно покрасневшему после порки крапивой заднику. У меня в руках снова оказался ивовый прут. Не оттягивая «момент истины», я решил сразу начать пороть её по-настоящему, замахнулся и прочертил по и без того розовой попке ещё более яркую полосу.

— ААА!!! — девичий подбородок и голени на мгновение оторвались от простыни.

— Терпи, мерзавка! Будешь знать, как на меня шипеть, да на людей кидаться!..

С небольшими передышками я стегал её попочку, крест-накрест полосую яркими стриями две разгорячённые булочки. Лера громко вскрикивала и судорожно сжимала попу, даже старалась прикрыть её связанными руками. Но я властно отводил их в сторону, снова оголяя булочки, чтобы прыснуть по ним очередным глотком «микстуры целомудрия».

Мне пришлось одной рукой прижать её руки к спине, задрав повыше халат, а другой продолжить процесс воспитания её попы. Для этого я взял второй ивовый прут. Он был чуть короче, но зато толще первого. Ритмичные звуки «ффить», «ффить», смешанные с Лериными воплями, на несколько минут заполнили помещение.

Обе мои руки были заняты, а я сам активно двигал корпусом. От этого обезумевший от возбуждения член отодвинул тесные трусы, да и вывалился наружу из-под края свободных шорт. Сначала показалась головка, но я не смог вовремя заправить её обратно, и теперь почти весь мой ствол торчал слева, прижатый кромкой ткани к ноге. Но и тогда я не прекратил воспитательный процесс багряной попки.

Негодница плакала, кричала и просила прекратить порку. Хотя я и сёк ей попку всего-то вполсилы, мне охотно верилось, что она не претворяется, потому как уже через пару-тройку минут обе её половинки были испещрены густой сеткой диагональных полосок пунцового цвета. Тогда я решил воспользоваться ситуацией и пошёл на хитрость.

— Чего вопишь? Невмоготу?

— Ага!

— Может, хватит уже?

— Не-е-ет! Терпи! Ещё раз пятьдесят… А там посмотрим… — блефовал я.

— Так много?!. Может, пять?… АААЙ!!!

«Ффить!» — я снова больно стегнул её по попе.

— Двадцать пять — не меньше! Хотя…

Я нарочно не щадил сейчас Лерину попу, чтобы она была поговорчивее, и сёк её булочки сильнее и чаще обычного. Она извивалась, стремясь отстранить свой голенький зад от свистящей в воздухе ивовой розги. Я уже и сам хотел прекратить порку, чтобы…
— … четыре… пять!..

Моя рука с изрядно истрепавшимся о попу светло-зелёным гибким прутиком опустилась, перестав, наконец, пороть хнычущую девчонку.

— Ладно. Так и быть. Пороть тебя я больше не буду. Но зато жёстко выебу!

— Еби… — с деланным равнодушием согласилась Лера.

Избавившись от шорт и сбросив на пол всё лишнее, я взобрался на большую кровать и встал на колени позади своей связанной жены, лежащей кверху попой животом на подушках. Она немного поёрзала, расположившись так, чтобы мне было удобнее овладеть ею сзади. Пока тянулся через всё ложе за смазывающим гелем и пачкой презервативов, чуть не обжёгся, коснувшись животом её пышущей адским жаром задницы.

Глаза у Леры были всё ещё завязаны, и она не могла видеть, как я в последний момент передумал и отбросил в сторону презерватив, обильно умаслил весь член смазкой из тюбика. Знакомое сочетание аромата пачули, смешанного с запахом ванили тут же дошло до её носика. Она расслабилась и уже предвкушала радость от моего первого проникновения в её истекающую соками щелочку.

Но я воспользовался её беспечностью и выдавил щедрую порцию ароматного геля прямо на розовую звёздочку меж полураскрытых половинок её попки. Затем приставил к ней залупу и, схватив разомлевшую Леру за бока, с силой потянул на себя. Сам подался при этом вниз и вперёд, чтобы с первого раза поглубже засадить член ей в попу.

— Ой-ой-ой! Нет! Не туда, не туда!… — завопила она.

Моя набухшая головка к тому моменту расплющилась под натиском и стала плавно вползать в её тугую заднюю дырочку. Я ещё больше подался вперёд и почти лёг своей грудью ей на спину. Правую руку я просунул жене под живот, а левой дотянулся и нежно дотронулся до её лица. Мой ствол всё это время медленно, но верно вползал в горячую тёмную норку, заполняя и распирая её изнутри.

— Ну, не туда же!… Не надо… А-а-а-а!..

— Очень даже туда… Ещё как туда… Как раз туда, куда надо… — приговаривал я, пропихивая своё одеревеневшее достоинство всё глубже Лере в её тесную, нежную и такую горячую сейчас задницу.

Она ничего больше не говорила. Приоткрыв рот, повернула голову набок и шумно дышала. Я гладил кончиками пальцев её потный лоб, носик и влажные губы. Она немного высунула язык и несколько раз игриво лизнула кончиком мою руку.

Та моя рука, что была у неё под животом, пробралась чуть ниже. Миновав лобок, она уже нащупала то место, где он расходится на две мягкие девичьи складочки. Средний палец тотчас скользнул меж них и покрыл бутончик похотливого клитора, остальные пальцы обволокли и покрыли всю её мокренькую пиздёнку.

Теперь, когда моя пятерня плотно сжимала Лерину промежность, я начал двигаться в её

попке. Первые толчки получились невнятными. Она ещё неполностью расслабила свой задик, и испытывала от этого дискомфорт.

Но уже пятое-шестое моё проникновение практически не встречало никакого сопротивления со стороны колечка её попки. Я ебал её со всё нарастающим темпом, так как был не в силах больше сдерживаться. Я так давно мечтал засадить в попу моей ненаглядной грубиянке, что не мог больше терпеть.

Отчаянно пыхтя и рыча, я штопал её в выпяченный высоко вверх задик. Она лежала животом на паре подушек, и мои проникновения к ней в попочку получались очень глубокими и чувственными. Хотя член мой от возбуждения буквально налился свинцом, больно ей больше не было. Качественная гель-смазка работала внутри её задней норки просто превосходно. Головка и ствол плавно скользили вдоль нежных стенок, доставляя нам обоим неописуемый восторг.

Особое удовольствие мне доставляло видеть, как мой блестящий от смазки стержень впивается и потом углубляется в девичью плоть, властно развальцовывая тутую заднюю дырочку. В глубине этой тесной норки было горячо и скользко. Её трепетные недра плотно облегали ласкали моего интервента, ритмично вторгающегося в них до самого основания. Лера часто дышала и вскоре стала поскуливать в такт моим вторжениям внутрь её только что так творчески выпоротой попки. Булочки, словно посыпанные красным перцем, полыхали жаром под моим животом. Мой средний палец сдавливал и дрочил бесстыжий розовый клитор.

Нам обоим потребовалось не больше трёх минут, чтобы кончить от этой безумной скачки. Перед самой кульминацией она напряглась всем своим существом и стала стараться приподнять свой изнасилованный задик, отрывая живот от подушки. Потом я почувствовал, как стал пульсировать её клитор под моим пальцем.

А ещё через секунду она затаила дыхание и затряслась подо мной так, что внутри кровати что-то захрустело. В ту же секунду я не выдержал и стал впрыскивать ей в попу свою сперму, стараясь при этом ввести в неё член поглубже, радуясь тому факту, что на мне нет сейчас презерватива. Я рычал и судорожно дёргался, ощущая, как из моего штуцера бьют горячие струи где-то в глубине разгорячённого женского тела. Это было умопомрачительно!..

Я развязал Лере глаза и руки. Мы вернули подушки в изголовье кровати и плюхнулись на них головами. Несколько минут мы пролежали молча, а потом она вдруг произнесла:

— А вечером сделаешь мне там язычком? — спросила она тихим шёпотом, поглаживая себя по лобку.

— Обязательно сделаю! Но только если ты согласишься пойти со мной на ужин без трусиков.

— вынес я экспромтом свой вердикт.

— Ого!… И как ты это представляешь? Я же не взяла с собой платья, у меня есть только мини-юбка… Не в шортах же мне идти…

— Конечно, не в шортах! Какой же тогда смысл трусики снимать?! Вот в юбочке своей и пойдёшь!

— Но она же совсем короткая!… Кто-то обязательно что-нибудь у меня там увидит, пока мы будем сидеть за столом!..

Лера посмотрела на меня умоляющим взглядом. Ей было очень стыдно от этой мысли, но в то же время чертовски хотелось заслужить перед сном так любимый ею глубокий и долгий куннилингус. Она вовсе не выглядела сейчас той мегерой, какой была сразу по приезду. Я

смотрел ей в глаза и гладил по щеке. А про себя думал: неужели, правда, такой положительный эффект может порой дать обычная порка попы?..

Поначалу я хотел было по инерции съязвить и сказать что-то резкое в ответ на это её смущение. Но вовремя решил, что пора выйти уже из образа строго воспитателя и стать опять самим собой. Поэтому я склонился над её ушком и вкрадчиво прошептал:

— Ну… в ресторане не слишком светло, и мы выберем с тобой столик в укромном местечке. И потом… волосиков у тебя там всё равно ведь нет, так что, если и сверкнёшь на секунду своей лысенькой девочкой, не каждый это поймёт… Но главное — я же всё врем буду рядом с тобой!